

Сафонов

Николай Иванович,

капитан 3 ранга в запасе,

краевед-любитель.

ДВА ДРУГА, ДВА ГЕРОЯ, ДВЕ СУДЬБЫ...

Начальник Матросского клуба капитан-лейтенант Валерий Приемыхов прикрыл массивную входную дверь и медленно направился к ступенькам, ведущим вниз, к центральной дорожке. Офицер в который раз посмотрел на наручные часы. Минутная стрелка приближалась к цифре двенадцать, а часовая – к пяти. «Хотя бы с паромом никакой оказии не случилось, - мелькнула тревожная мысль у Приемыхова,- ведь на воде океанской бухты всякое бывает».

И в этот момент, как бы наперекор сомнению офицера, послышался натужный гул мотора УАЗика. Сделав крутой правый поворот за рубкой памятника «Л-16», машина плавно подкатила к входу клуба и остановилась. Из распахнувшейся дверцы показался крепко сбитый, выше среднего роста, в форме капитана дальнего плавания мужчина. В нем Приемыхов сразу узнал К. Числова. Поздоровались.

- Ну, что, Константин Андреевич, пойдём в зал?

- Думаю воздержаться. Пока у нас есть ещё пяток минут, пройду к Николаю, поклонюсь...

К.

А. Числов у памятника Н. Вилкову.

Фото Н.А.Сафонова

Капитан-лейтенант возражать не стал, а только провел взглядом гостя, который снял форменную фуражку и уверенным широким шагом направился к памятнику Герою Советского Союза старшине 1 статьи Николаю Вилкову...

... Военных моряков, желающих послушать рассказ о службе и участии в Курильском десанте на остров Шумшу в 1945 году Николая Вилкова и Константина Числова, оказалось изрядно. Во вместительном помещении почти все места были заняты. Лишь одинокие спинки коричневых кресел кое-где извещали, что они свободны.

Как только Константин Андреевич поднялся на сцену, зал взорвался мощными аплодисментами.

- Ну что вы, товарищи, так...

Когда в помещении установилась тишина, Числов подошел к трибуне и микрофону.

- Товарищи, о своих дружеских и служебных отношениях с Николаем Вилковым в вашем соединении я рассказывал не раз. Возможно, кто-то из присутствующих уже и слушал меня об этом. Но я по вашей настойчивой просьбе, повторяю. Прежде несколько слов о жизни Николая до службы на флоте.

Числов перевел дух и продолжил:

- Так вот. После окончания Горьковского речного техникума он весь навигационный период 1939 года проработал на Ангаре старшим помощником капитана вначале грузового, а потом пассажирского пароходов. Флотская профессия Николаю пришлась по душе. Потому к делу он относился весьма скрупулезно и ответственно. За это его хвалили,

ставили в пример другим. А когда на Ангару пришла ранняя зима, Иркутский городской военкомат призвал Вилкова на военную службу. После нескольких организационных дней небольшая группа сибирских парней оказалась на Тихоокеанском флоте.

- Как сообщал Николай в своих редких письмах домой, - звучал чистый ровный голос гостя, - служба ему очень нравилась. Поэтому и результаты были налицо: не раз побеждал в шлюпочных гонках здесь по бухте Крашенинникова, раньше других моряков ему присвоили очередное воинское звание старшины первой статьи, повысили в должности - перевели со сторожевого корабля на плавбазу подводных лодок «Север» старшим боцманом. Словом, авторитет старательного и настойчивого Вилкова рос не по годам, а прямо-таки по месяцам.

Константин Андреевич взглянул на увеличенный портрет «нестареющего» друга, что находился на задней стенке занавеса, и чуть громче сказал:

- А познакомились мы с Николаем в сорок первом году, буквально перед войной. К этому времени меня только призвали, а он уже служил второй год. Флотское боцманское дело знал превосходно, любое задание выполнял безукоризненно. Этому настойчиво учил и подчиненных. «В службе, - не раз замечал Вилков, - главное дело - последовательность и стремление добиваться большего...». Следуя этому принципу, Николай всегда находился в движении, был прямо нашпигован разными предложениями, задумками, идеями, как лучше организовать боцманское заведование в масштабе корабля. И хотя по характеру мы были мало схожи, зато по отношению к службе сблизились. Позже много раз обсуждали различные нестандартные боцманские ситуации, катались на лыжах, занимались спортом, ходили в увольнение в город.

К. Числов вдруг отчетливо вспомнил, как в одно из солнечных весенних воскресений сорок третьего года, они с Николаем неспешно прохаживались по узким улочкам Петропавловска, искренне удивлялись изогнутым каменным безлистным березам и чуть приметной зеленой щетине появляющейся на южных склонах сопки хрупкой травы. А когда на противоположной стороне улицы показалась небольшая часовня с рядом старинных пушек, Вилков тронул друга за локоть:

- Подойдем...

Числов кивнул головой. И военные моряки поднялись по каменным ступенькам к часовне. Здесь, у пушек под крестом они увидели плиту, на которой старательно было выбито: «Памяти убитых при отражении англо - французов 24 августа 1854 года. Мир праху вашему...».

- Да, - прижимая к груди бескозырку, вполголоса проговорил в тот день Николай, - они тоже, наверное, тогда хотели попасть на Черное море, где шла война. Но руководство правильно решило - оставило их здесь. Ведь в военное время вся граница страны должна надежно охраняться, а не только та часть, где идут бои.

Затем друзья-краснофлотцы прошли по извилистой дороге на сопку и оказались на небольшой площадке. Их взору открылась ровная гладь Авачинской бухты. Хотя на дворе по календарю была уже середина весны, величественный, зеркальный океанский залив был взят едва ли не в замкнутое кольцо белоснежных выступов гор. По всей спокойной бухте неподвижно стояли одинокие крохотные корабли. А рядом, на сопке, такие непривычные материковскому взгляду с волнистым стволом еще безлистые, избитые шквальными ветрами и неистовыми дождями, белоствольные каменные березы...

Константин Андреевич почувствовал, как неожиданно у него запершило в горле. Он взял стакан, что стоял рядом с приземистым выпуклым графином, налил воды. Сделал два полных глотка, откашлялся.

- После посещения в городе часовни, - продолжил рассказчик, - не сговариваясь, мы с Николаем снова написали рапорты с просьбой отправить нас на фронт. Но и в этот раз нам отказали. Честно говоря, мы просились в бой не потому, что служба наша была легкой. Отнюдь. Нам хорошо было известно, что за Первым Курильским проливом, в несколько миль от Камчатки, расположен остров Шумшу, где японцы сосредоточили около двадцати тысяч солдат и офицеров, большое количество артиллерии, шестьдесят танков и много еще другого вооружения и военной техники. Вся эта агрессивная мощь создавалась для нападения на наш полуостров. Именно поэтому, занятые японцами Курильские острова, в своей захватнической пропаганде они не раз называли «мечом, направленным в грудь Камчатки». Острием же этого «меча» как раз и был определен остров Шумшу. А поскольку такая напряженная обстановка сложилась здесь, на Востоке страны, то на кораблях готовились к неминуемым боям и днем и ночью. В любую погоду. Да, и вообще, вся наша жизнь тогда строилась по законам военного времени. И даже когда в Москве отгремели залпы салюта Победы,

напряжение в воинских частях и на кораблях оставалось без изменений. Окончательно я понял, что и нам придется применять боевое оружие, когда с группой моряков получил приказ об убытии к союзникам за получением у них десантных кораблей. А когда вернулся из командировки, Вилков сообщил, что он уже не старший боцман плавбазы «Север», а помощник командира взвода передового десантного отряда в роте морской пехоты старшего лейтенанта Ивана Кащея. Я же так и остался боцманом на «пригнанном» десантнике, втайне надеясь на короткую разлуку с другом. Но судьба распорядилась иначе.

Числов переступил с ноги на ногу и, обхватив крепкими руками боковины крышки массивной трибуны, заговорил заметно громче и увесистее:

- Рано утром 18 августа разрезая морось и прибрежный десантные корабли тихо острову Шумшу. Я вместе с сразу же начал обеспечивать десанта на берег. Вскоре и молчаливый остров будто сплошного гула артиллерийской стрельбы и очередей. смерчем

Дзот вблизи базы Катаока.

фото А. П. Рыжкова

Одно из орудий до сих пор стоит у подножия высоты 171. Из него японские самураи вели жестокий огонь по подошедшим кораблям с советскими десантниками.

1945 года, туман, первые подошли к подчиненными высадку беззвучный взорвался от пулеметных Огненным

ощетинилась малоразличимая земля. Бесперывные султаны воды поднимались рядом с кораблем. В один из взрывов была перебита десантная сходня. Моряки начали прыгать в воду прямо с борта. Откатные волны некоторых из них накрывали прямо с головой. Но морские пехотинцы все же выбирались из океанского прибоя и устремлялись к японским траншеям. «А ведь среди них где-то там и Николай», - подумал я тогда сочувственно...

Далее Константин Андреевич из слов очевидцев рассказал, как погиб его друг в бою на склоне высоты 171,0.

...Роте моряков старшего лейтенанта Ивана Кащея была поставлена задача - идти на штурм господствующей высоты 171,0 острова Шумшу.

Около пяти часов отважные воины в кровопролитной схватке с японцами продвигались к заветной вершине. А когда десантники приблизились к открытой площадке, и кое-кто уже подумывал о близкой победе, по морьякам вдруг ударили вражеские пулеметы из притихшего двух-амбразурного дота. Рота залегла. Создалась предпосылка срыва атаки. Промедление было смерти подобно. И в это критическое для наступающих время, лавируя между складками местности, к огне-нным вспышкам пополз старшина 1 статьи Николай Вилков. Следом неотрывно передвигался «ужом» матрос Петр Ильичев.

Старшина 1 статьи

Матрос Петр Ильичев

Вот уже менее десяти метров осталось до зловещего дота. Старшина приподнялся на колено и бросил гранату. На какое-то время пулемет смолк. Десантники поднялись в атаку. Но вскоре снова затарахтели пулеметы. Превозмогая боль раненой левой руки, Вилков с трудом бросает вторую гранату. Это же сделал и Ильичев. Однако не успела рота сделать и несколько шагов, как ее снова прижали к земле свистящие пули.

И тут все увидели, как поднялся на ноги Николай Вилков, продвинулся несколько шагов вперед и медленно навалился на левую амбразуру несмолкающего дота. Правую же закрыл своим телом Петр Ильичев.

Громовое «Ура» потрясло склон высоты 171,0. Моряки мощным океанским валом бросились на врага и овладели «непрístupной крепостью» острова Шумшу.

- На следующий день, 19 августа, - заговорил после небольшой паузы Числов,- десантные корабли вернулись в Петропавловск. На берегу духовой оркестр торжественно играл марш, а на душе у меня было неспокойно.

Тревожная мысль не покидала ни на минуту: как там на острове дела у Николая? Мы хорошо знали, что в это время на Шумшу основной бой уже закончен. Оставались отдельные небольшие очаги сражения. Наши войска уверенно освобождали родную землю. Японским захватчикам не помогли ни самолеты, ни танки, ни бетонные огневые точки, ни километровые траншеи, создаваемые годами.

Вместе с тем надо помнить, что почти каждый метр отвоеванной островной земли стоил чьей-то жизни тихоокеанцев-десантников. Там, к великому сожалению, остановилось и горячее сердце Николая Вилкова.

Спустя несколько лет в честь тридцатилетия освобождения Курил недалеко от места подвига военных моряков был воздвигнут памятник - две белесые бетонные волны поднялись к небу. Здесь же на небольшой металлической табличке выбиты имена похороненных Героев Советского Союза Николая Вилкова и Петра Ильичева.

Гость замолчал. Он обвел взглядом притихший, внимательный зал, чуть отклонился от трибуны.

- А правду у нас говорят, что вы работаете на траулере, который называется «Николай Вилков»? Расскажите, как это произошло.

Константин Андреевич приподнял густые брови на белобрысого матроса в первом ряду и тихо произнес:

- Не врут. А получилось это несколько лет назад. Рыбачил я в то время на однотипном судне. Иду я как-то после очередного рейса по пирсу и вдруг вижу до боли знакомое имя на борту одного из траулеров «Николай Вилков». Вид корабля был, мягко говоря, неважный: запущенный, неопрятный, словом, - необихоженный. Мне стало не по себе. «Николай и в таком виде? Это несправедливо и неестественно», - подумал я тогда, проходя мимо «железного друга». А через несколько дней на совещании у начальника базы тралового флота услышал слова диспетчера: «Отстает пока с планом только СРТР (средний рыболовный траулер рефрижератор) «Николай Вилков». Слова резанули мой слух и тяжелым эхом осели где-то глубоко в груди. «Неправда, - хотелось крикнуть, - Николай никогда не был последним. Он всегда был впереди. Не в его характере прятаться за спины других, а тем более плестись в хвосте!». Спустя пару минут, глянув на присутствующих капитанов, я поднялся с места и попросил: «Переведите меня на «Вилков». Соратники капитаны и начальники всячески меня отговаривали не делать этого, но я настоял на своем: не мог оставить имя друга опозоренным. И

получилось, что через 25 долгих лет мы снова встретились с Николаем. Только теперь я был в качестве капитана, а он - имени на борту сугубо мирного корабля.

Потом Числов сообщил, что после ряда организационных и технических мероприятий рыболовный траулер «Николай Вилков» под его командованием вышел в море ловить рыбу. К счастью, им сразу повезло. Уже на третий день январской путины в трюмы судна было спущено несколько десятков центнеров рыбы. Местный кок это событие не оставил без внимания. Вечером, когда в кают-компании собрались изголодавшиеся промерзшие товарищи, после фирменной вкуснейшей жареной рыбы, он преподнес огромный торт с фигурной надписью: «С первым уловом!». Константин Андреевич не оставил ни одного рыбака без торта.

Позже, конечно, были и серые и черные дни. Но капитан сам мрачнел, а экипаж всегда настраивал на уверенность, при этом повторял хорошо известные всем слова: «Кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!». И, поверившие в свои силы и опыт стойкого командира судна, рыбаки действительно и находили, и добивались все новых успехов.

Ловили же «вилковцы» не только сельдь, но и минтай, лососевые породы рыб, камчатского краба. И, как говаривали, что им чаще других судов «везло». А все потому, что рыбаки, когда надо, трудились неистово, жадно. Да и сам капитан работал, не щадя сил. В море отдыхал не более трех часов подряд. Он и после службы твердо придерживался нестаряющегося флотского принципа: «Делай, как я!».

- Благодаря такой титанической работе людей, - звучал чуть хрипловатый голос капитана дальнего плавания в зале, - экипаж не только перекрыл плановые задания предыдущих двух лет по вылову рыбы, но и выступил в числе инициаторов завершить девятую пятилетку за четыре года. Конечно, были и сомневающиеся. Но мы позже делом доказали, что «вилковцы» слов на ветер не бросают.

- А как насчет звезды Героя, Константин Андреевич? – уловив момент паузы, снова подал голос матрос из первого ряда.

- Было и такое, - улыбнулся Числов и провел широкой ладонью по седеющей шевелюре. Но, поверьте, что я тогда больше порадовался не за себя, а за нас с Николаем двоих. До этого времени при проходе Первого Курильского пролива на душе у меня было беспокойно. Как у должника, четверть века держащего при себе долг другу. А как стало известно о

награждении меня Золотой Звездой Героя, состояние мое изменилось. Теперь в очередной рейс проходил мимо могилы боевого собрата с чистой совестью. Потому и был на ходовом мостике при полном параде и, глядя на остров, шепотом сказал: «Знай, друг, что мы с тобой и сегодня в числе передовых».

Константин Андреевич умолк. В просторном зале на какое-то время установилась тишина. Но как только гость поклонился слушателям, раздался гром несмолкаемых аплодисментов...

Подвиг Вилкова. Рисунок неизвестного художника из личного архива Н. Сафонова.

Бессмертие на пулеметах

На белых скалах соль застыла,
Над морем бил поклоны ветер.
А там матросская могила
предстала,

как геройство века.

Еще не падали в закат
сыны России на Курилах,
Еще в ушах гудел набат,
Европа,

как вулкан курилась.

А там, у синей полосы
японские дрожали веки.

Ложилась храбрость на весы –
у самураев дух не весел.

А наш,

прошедший по полям
жестоких мировых сражений,
на скалах этих устоял,
не зная духа поражений.

Но вот над сумрачной землей

Нависли огненные ленты,

и окровавленной зарей

матросы падали на землю.

Он бил на высоте, боясь,

придавленный бетоном дзота –

и ливневый, свинцовый ляг

плясал над краснофлотской ротой.

Курилы вздрогнули от гула,

Курилы шаг людей заметили –

рывок...

и захлебнулись дула,

оставив на земле бессмертие.

...У ног вода.

Над высотой

им бьет поклоны

жесткий ветер.

И солнце вечно над плитой

Могучим обелиском светит.

Но ведь моряк

   моря любил –

сегодня мы в морях

   морячим

и на дорогах голубых

несем их мужество

   горячее.

Владимир Науменков.

«Залп» 31 август 1963 г.